
Мария БЕРДИНСКИХ

ВИНЕГРЕТИК

Рассказ

Они очень доверчивые, эти старушонки. Хватают меня под локоть и рассказывают про то, какая маленькая у них пенсия и как много нужно платить за коммуналку. Они хорошо одеты. Меня это удивляет. Ведь если ты собираешься просить денег, то надо бы одеться похуже? Эти всегда принаряжены.

Хотя наше общение не всегда про деньги. Я прихожу в «Магнит», а там меня уже ждет ворчливая старушка с вопросом про свежее молоко. Нет, вчерашнее она не пьет. Не искала бы я получше? На рынке я сама не могу пройти мимо пожилой женщины, которая продает вязаных цыплят и ядовито-зеленые салфетки в самодельном лотке, который она повесила себе на шею. Я наивно думаю, что смогу купить ненужного мне цыпленка за сто рублей. У меня как раз есть сто рублей наличными. Старушки не принимают карты. Но самая дешевая маленькая салфетка стоит триста пятьдесят. Я просто отдаю, сколько есть, на развитие ажурного бизнеса и чувствую себя не очень.

Я смирилась с этим и принимаю старушечье внимание как налог на относительную молодость. Безропотно покупаю лекарство и выслушиваю отповедь от девушки-провизора, которая увидела мою подопечную через окно и отчитывает меня за то, что я поощряю попрошайек.

Я боюсь сама стать такой старушкой. Меня тревожит, что нужно будет просить денег у прохожих, чтобы купить «Милку» с цельным фундуком или гранат. Или к тому времени я уже перейду на дробленые орехи и мягкие продукты?

В тот день, когда я встретила бабушку с виногретиком, таких мыслей у меня не было. Я думала только о белой точке внутри себя, которую мне показал врач. «На фиго он это сделал?» — вот что меня одолевало. Наверно, чтобы я удостоверилась, что они все сделали правильно и эмбрион попал туда, куда следует. Типа, контроль качества.

Я тоже старалась, как могла. После переноса я двадцать минут лежала, неудобно свесив голую попу с гинекологического кресла. Врач сказал: «На всякий случай, чтобы закрепилось». Медсестра прикрыла меня пеленкой. Все делали свою работу ради того, чтобы белая точка превратилась в моего будущего ребенка.

Сейчас оставалось только запихивать в себя свечи, принимать таблетки и верить в то, что у меня обязательно получится забеременеть и в старости я буду просить купить конфеты у своих детей, а не у хорошо одетых девушек с глуповатым выражением лица.

И вот я сидела в кофейне, выплевывала попадающие в рот чайники обратно в чашку и пялилась в свой дурацкий телефон. Иногда я поднимала глаза и смотрела на падающий снег через стеклянную стену и невольно на людей между мной и снегом. Кофейня была самая обычная: деревянные круглые столики на хлипких ножках, бари-

Мария Викторовна Бердинских родилась в 1980 году в г. Кирове. Окончила УрФУ им. Ельци-на. Кандидат социологических наук. Публиковалась в журнале «Урал». Живет в Екатеринбурге.

ста с ухоженной бородой и публика из тех, кому не жалко потратить двести рублей на то, чтобы послушать фырчанье кофемашины и смешки школьников, сидящих вшестером на двух стульях и обсуждающих какую-то девчонку из параллельного класса.

Я думала о том, что у всех этих громкоголосых и прыщавых подростков есть родители, которые дали им денег на капучино, купили уродские тяжелые ботинки и заплатили за подготовку к ЕГЭ. А у меня в тот день была только моя белая точка и надежда на то, что все получится. У меня обязательно будет ребенок, моя девочка. Она вырастет, и я научу ее обзывать по-английски, говорить *ugly* и *fool*, чтобы дурачки, которые ее обзывают, сразу тушевались. В моем случае это всегда помогало. Еще я буду говорить ей, что я ее люблю. Буду говорить ей об этом каждый день. А она мне будет отвечать: «А я тебя сильнее». И все эти мысли бродили и путались в моей голове, как вдруг появилась она — старушка с винегретиком.

В первую минуту после ее появления все замирает, как будто кто-то нажал на паузу. Даже звуки пропадают. Настолько нереальной и не сочетающейся с бежевыми стенами, запахом корицы, макаронами на витрине, окрашенными в ядовитые химические цвета и стоящими девянсто рублей за штуку, и посетителями с макбуками выглядит эта старушка с горбом, согнувшаяся в три погибели и волочашая за собой клетчатую сумку на колесиках. Одетая она на удивление прилично — в какую-то темную длинную курточку и серый теплый платок, туго обмотанный вокруг лица. Несмотря на спину, скрюченную так сильно, что ее голова находится практически на уровне коленей и общую дряхлость, передвигается она вполне бодро и вообще имеет жизнерадостный вид, как всякий человек, задумавший какое-то дело и имеющий намерение довести его до логического конца без всякого промедления.

Дойдя до точки, откуда ее хорошо видно всем посетителям, и как будто бы оказавшись на сцене, она начинает говорить, обращаясь ко всем сразу. Я, как и все, нахожусь в оцепенении и со страхом жду, что сейчас к ней подойдет кто-то из персонала и начнет ее выгонять. Я уже предчувствую, как это будет ужасно и жалко, и непонятно, что нужно будет делать, и самое главное — всем, абсолютно всем будет ужасно стыдно. Через несколько секунд я осознаю, что никто не приходит и не придет. Все официанты вернулись за стойку и по какому-то тайному сговору делают вид, что очень заняты своими делами, не терпящими отлагательств, и вообще абсолютно ничего странного не происходит. Все идет своим чередом, и разбирайтесь там сами с этой старушкой, как хотите.

В этот момент все невольные слушатели старушкиного монолога немножко расслабляются и вместо того, чтобы представлять, как они будут защищать ее от выволакивания из кофейни, начинают вслушиваться в то, что она говорит. Оказывается, что я сижу в первом ряду партера. Роль оркестровой ямы передо мной играет длинный стол с барными стульями. За ним сидят неудачливые посетители, оказавшиеся на самом виду. Стараясь выпасть из-под лучей воображаемых софитов, они невольно скрючиваются к своим латте с нарисованными сердечками и сырникам идеальной круглой формы, куда, как и во всех кофейнях, кладут слишком много муки и слишком мало творога.

Начинает старушка с козырей: «Миленькие мои, я ведь с двадцать шестого года!» Я начинаю судорожно вычитывать, но у меня ничего не получается. Двадцать шестой год по сравнению с две тысячи девятнадцатым выглядит очень призрачно и не может быть годом рождения реального человека, который на своих ногах пришел в хипстерскую кофейню. Это ведь еще был нэп, и Маяковский мутил с этой ужасной некрасивой стервой Лилей Брик. А Родченко, с которым они все дружили и картины которого сейчас продаются на аукционе «Сотбис» за несколько миллионов фунтов, рисовал эскизы для конфетных фантиков фабрики «Красный Октябрь».

Вообще сложно представить, что там было в двадцать шестом году! Господи, сколько же ей лет? Я пытаюсь посчитать в уме, но мой внутренний калькулятор замочил дождь. Так сказала мне один раз наглая малолетняя продавщица груш на рынке, уличенная в обвешивании и завышении цены за килограмм в три раза. Так вот, мой внутренний калькулятор замочил дождь, и у меня ничего не получается. Я решаю, что ей где-то около девяноста, и успокаиваюсь. «А ведь жить-то хочется и сейчас», — развивает свою мысль старушка. «И ведь в магазинах-то все есть», — неожиданно продолжает она. Все, затаив дыхание и делая вид, что ничего особенного не происходит, ждут развязки, и она наступает. «Купите у меня, пожалуйста, винегретик, — спокойно и твердо говорит наконец старушка, — я приготовила и маслицем не заправила, чтобы не размяк».

Я просто раздавлена. Бабушка двадцать шестого года рождения сама приготовила винегрет. Потратила несколько часов на то, чтобы почистить, сварить картошку, морковь и свеклу, остудить овощи, порезать все мелкими кубиками, вскрыть жестяную банку со сладким зеленым горошком, аккуратно и не сильно, чтобы не превратить все в кашу, перемешать и наконец расфасовать салат по пластиковым коробочкам. В коробочках раньше были помидорки или еще что-то давно съеденное, но ведь тару можно помыть и использовать для какого-нибудь нужного дела, как, например, для этого — дела с винегретиком.

Особенно долго варится именно свекла. У меня всегда не хватает терпения. Она уваривается несколько часов, я про нее забываю, вода бурлит, выкипает, и свекла прикипает к кастрюле. Потом так тоскливо отскрести жесткой железной кухонной мочалкой этот черный пригоревший свекольный бок от кастрюльного дна, поэтому я, находясь в здравом уме, покупаю готовую вареную свеклу или винегрет в отделе кулинарии.

У всех остальных зрителей, таких же покупателей готового винегрета — ошарашенный вид, как и у меня. Все молчат. Непонятно, что сказать и, вообще, как достойно вступить.

Я лихорадочно начинаю соображать, есть ли у меня наличные. Так-то их у меня никогда нет, но иногда я снимаю деньги, чтобы отдать очень приличной старушке в красном платке, просящей милостыню на выходе из фитнес-клуба, куда я хожу в бассейн. Правильное место — сплошь обеспеченные люди, но с наличными тоже у всех беда.

Старушка, сказав все самое важное, начинает повторяться про двадцать шестой год и то, что все равно хочется жить. Я отвлекаюсь и ненароком нащупываю в рюкзаке кошелек. Открываю его и вижу, что там лежит сто рублей — неслыханная удача. Все, кроме старушки, молчат и как будто ждут чего-то.

И дожидаются. Я говорю: «Бабушка, возьмите, пожалуйста, сто рублей просто так». Я боюсь, что винегрет, может, стоит дороже, поэтому решаю на него не претендовать. Старушка очень оживляется. И в то время как все смотрят на меня, как на ружье в пьесе Чехова, которое наконец выстрелило, она подходит ко мне и уговаривает взять взамен хорошую холщовую сумку, с которой можно и в магазин ходить, и вообще куда хочешь использовать в хозяйстве. Я сопротивляюсь, но желание скорее отыграть свою роль побеждает. Я запикиваю серую матерчатую сумку с надписью «Market» в рюкзак и наблюдаю, как остальные с облегчением рыскают по карманам и кошелькам и, найдя пятьдесят или сто рублей, молча протягивают их старушке, невольно вступая в диалог по поводу винегретика, сумок, хороших прочных полиэтиленовых пакетов и двадцать шестого года рождения.

Заканчивается все ожидаемо: благодарностями, взаимными пожеланиями здоровья, звоном колокольчика от закрытой двери и внезапным появлением официантов,

которые делают вид, что совершенно ничего удивительного не произошло и человек из двадцать шестого года не приходил только что продавать винегретики любителям латте с карамельным сиропом из 2019.

Все им очень признательны за такое притворство и поэтому через минуту возвращаются к своим телефонам, еще не остывшему кофе, сумбурным мыслям и странно-му ощущению того, что все это так тяжело и стыдно и хорошо одновременно и слава богу, что закончилось. Мое с трудом найденное равновесие вдребезги разбито на миллион кривых осколков, в каждом из которых отражаются старые, склоненные к земле люди, вынужденные просить милостыню, чтобы купить себе хлеба, молока и заплатить за коммуналку. Надо успокоиться и вернуться к чувству наполненности, к белой точке внутри меня, к наслаждению тем, что месячные не пришли вовремя, и тому, что все будет хорошо.

Главное ведь — верить, и все получится, как пишут на женских форумах. Только так пишут те, у кого получилось. А те, кто не забеременел, несмотря на то, что очень верил, они не знают, что писать. Они тоже старались, а потом не старались, потому что надо было отключить голову, а потом ездили к святой Матроне, а потом поехали в отпуск, и обо всем забыли, и потом вспомнили, и стояли в позе березки после секса и прижимали к себе колени, и не стояли ни в какой позе, потому что надо было расслабиться и получать удовольствие, и ходили по врачам и строго выполняли все инструкции, а потом не ходили и занимались собой, чтобы отвлечься, и заходили на женские форумы, чтобы почитать жизнеутверждающие истории о том, как все получилось после таких же страданий, и потом не заходили туда специально, чтобы не забивать себе голову, и выслушивали заверения врачей о том, что все будет хорошо и у вас обязательно будет ребеночек, и переставали просто ждать, и делали операции и ЭКО.

И в конце концов наступал момент накануне того, когда все должно получиться. И тут появляется эта старушка с винегретиком, и все начинает шататься и подавать знаки о том, что одной веры недостаточно и «все получится» может не наступить никогда, как не получилось у этой старушки зайти в кофейню с целью выпить кофе или чаю с пирожным, как это делают такие же рассыпающиеся на глазах миланские старушки, тоже пригнутые к земле, но не горбом, а норковой шубой тяжелого коричневого цвета.

Я сминая эти мысли, как старую газету, скатываю из них шуршащие шарики, пахнущие типографской краской, и выбрасываю их в окно подальше от меня, моей новой серой холщовой сумки с надписью «Market» и драгоценной белой точки, которая обязательно превратится в мою девочку.